

ДМИТРИЙ
МИРОПОЛЬСКИЙ

ТАИНА
трёх государей

Urbi et Orbi

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.1.161.1-311-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
М64

Миропольский, Дмитрий Владимирович.

М64 Тайна трех государей / Дмитрий Владимирович
Миропольский. — Москва: Издательство АСТ,
2024. — 672 с. — (История и приключения).

ISBN 978-5-17-165332-3

Величайшая тайна всех времён и народов уходит корнями в глубь веков. К ней прикасались библейские пророки и апостолы во главе с Андреем Первозванным, российские государи Иван Грозный, Пётр Первый и Павел, великие писатели и учёные, знаменитые воины и политики. Пока люди билась над её разгадкой, жернова истории перемололи не один народ и не одну империю.

Теперь настало время избранных, которые откроют тайну всему человечеству и круто изменят ход мировой истории.

Это случится в России, в Санкт-Петербурге. Здесь и сейчас.

**УДК 821.1.161.1-311-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44**

ISBN 978-5-17-165332-3 © Миропольский Д.В., 2024
© ООО Издательство АСТ, 2024

*Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.*
Александр Сергеевич Пушкин

*Я сам был пылинкой в составе огромных орудий,
которыми действовало Провидение.*
князь Николай Борисович Голицын

*Чем менее история правдива, тем больше она
доставляет удовольствия.*
сэр Фрэнсис Бэкон

*У меня не лежит интерес ни к чему, если только
оно не содержит двух убийств на страницу.*
Говард Филлипс Лавкрафт

ПОШЛЫЙ ДЕТЕКТИВ

В день числа «пи» майор Одинцов не собирался никого убивать.

Говоря строго, майором он давным-давно не был, про необычную дату узнал случайно и тем более не имел такой привычки — на ровном месте лишать людей жизни. А вот поди ж ты: среди бела дня уложил сразу двоих прямо в центре Петербурга, и что теперь делать — большой вопр...

Промозглым чёрным утром четырнадцатого марта Одинцов, как всегда, приехал на работу около половины восьмого. Вышел из машины и с неодобрением отметил выглядывающие тут и там из-под снега ледяные бугры, похожие на кляксы застывшего конторского клея.

— Уборочка на троечку, — вслух сказал Одинцов; по старой холостяцкой привычке он иногда разговаривал сам с собой. — На троечку уборочка.

В старом парке рыжие фонари размывали пред-рассветную мглу. Чёрные деревья царапали небо паучьими лапами веток. Пронзительные порывы ветра вышибали слезу. Одинцов пнул подвернувшуюся ледышку, запахнул куртку и двинулся к стылой громаде Михайловского замка. На служебном входе коротко пожал руку охраннику, обронил обычное: «Как дела?» — и услышал такое же традиционное: «Без происшествий».

Одинцов работал заместителем начальника службы безопасности музея, расположенного в замке, и сейчас оказался за главного — начальник грипповал дома.

Впрочем, временное повышение не нарушило привычного распорядка. В кабинете Одинцов поменял уютный джемпер и джинсы на рубашку с галстуком и тёмно-серый костюм, а высокие ботинки со шнуровкой — на сияющие туфли. До восьми он успел ещё свериться с рабочим журналом, чтобы освежить в памяти предстоящие дела...

...и день начался. Инструктаж и развод охраны, доклад ночной смены, возня с документами, телефонные звонки, совещание... Всё как всегда, привычная рутина.

Первую сигарету Одинцов позволял себе только после обеда. Конечно, он мог дымить и в кабинете — кто бы сказал хоть слово? — но порядок есть порядок. Хочешь спрашивать с других — спроси для начала с себя. Так его учили. Поэтому курил Одинцов на общих основаниях, где положено.

Газета лежала в курилке на диване — видать, оставил кто-то из охранников. Одинцов мельком пролистал её, пока тлела сигарета. Шквал рекламы, старые анекдоты, безграмотные кроссворды, перевранные слухи, скучные гороскопы — одноразовое месиво для размягчённых мозгов...

...но одна статейка всё же привлекла внимание Одинцова благодаря иллюстрации — *витрувианскому человеку* Леонардо да Винчи: посреди текста на большом рисунке раскинул руки в стороны патлатый мускулистый мужчина, вписанный в круг и в квадрат одновременно. Одинцов пробежал глазами первый абзац.

14 марта — самый необычный праздник в мире: это Международный день числа «пи»! В западных странах пишут сначала номер месяца, а затем дня, поэтому дата выглядит как 3.14 — то есть как первые цифры удивительного числа.

Дальше автор сообщил Одинцову, что магическая константа была известна ещё древним волхвам, которые использовали её в расчётах Вавилонской башни. Волхвы ошиблись не так уж сильно, и всё же колоссальное сооружение рухнуло. «Для простоты расчётов число “пи-военное” принимается за три ровно!» — вспомнил Одинцов слова преподавателя из давнего курсантского прошлого. Зато мудрый царь Соломон,

продолжала газета, умудрился исчислить «пи» намного более тщательно — и построил Иерусалимский Храм, равных которому не было в веках.

В статейке упоминались Эйнштейн, которому повезло родиться в День числа «пи», и Архимед, сумевший определить миллионные доли константы. Финал звучал патетично.

В наши дни проверены более пятисот миллиардов знаков числа «пи». Их комбинации не повторяются — следовательно, число представляет собой непериодическую дробь. Таким образом, «пи» — не просто хаотичская последовательность цифр, но сам Хаос, записанный цифрами! Этот Хаос можно изобразить графически, а кроме того, есть предположение, что он — разумен.

Одинцов аккуратно погасил окурок, отправил его в урну вслед за газетой и вернулся в кабинет. Его ждало куда более увлекательное чтение: документация к новой системе видеонаблюдения, которую монтировали в замке.

По экрану компьютера плавала заставка — цифровые часы. В статейке говорилось: число «пи» — это 3.14159, поэтому праздник в его честь наступает третьего месяца четырнадцатого дня без одной минуты в два часа пополудни. Разумный Хаос, который записан цифрами...

Чушь, одно слово.

Часы на заставке показывали именно час и пятьдесят девять минут, когда раздался стук в дверь. «Без опоздания», — удовлетворённо отметил Одинцов, ценивший пунктуальность, и встал из-за стола. Встреча была назначена на два.

В кабинет вошли двое мужчин — один помоложе и повыше, атлетического вида, другой постарше и покоренастее, с глазами спаниеля. У обоих к волосам на макушке заколкой крепилась маленькая чёрная кипа.

— *Shalom! Nice to meet you, gentlemen. I am...* — начал было Одинцов, демонстрируя вполне при-

личный английский, но коренастый с вежливой улыбкой прервал его:

— Здравствуйте, мы говорим по-русски.

В Михайловском замке готовились к представительной международной конференции. Уровень участников предполагал вооружённую охрану. Израильские коллеги приехали к Одинцову, чтобы урегулировать формальности.

Говорил и действовал старший, напарник молча подавал ему бумаги. Обычная процедура. Только когда Одинцов собрался поставить подпись на документах, молодой попросил воспользоваться их ручкой со специальными чернилами.

— Вы же понимаете, — извиняющимся тоном сказал он.

Одинцов понимал.

— Враги не дремлют, и мы стараемся не отставать, — добавил старший израильтянин. — Они всё время что-нибудь придумывают, и мы тоже. Безопасность — это святое.

Молодой добыл из атташе-кейса кожаный пенал и передал старшему. Тот открыл крышку и положил пенал на стол. Одинцов вынул оттуда винтажную массивную ручку с золотым пером и с удовольствием повертел в пальцах.

— Солидная вещь, — оценил он, расписался несколько раз там, где ему указали, и вернул ручку в пенал.

Проводив гостей, Одинцов снова бросил взгляд на часы — время пришло! — и набрал номер мобильного. «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети», — сообщила ему безразличная механическая барышня. Ещё несколько звонков дали тот же результат.

— Варакса, — укоризненно сказал Одинцов, глядя на трубку, — ты решил теперь вообще не работать?

Варакса был старинным другом Одинцова, увлечённым рыбаком и вдобавок — преуспевающим вла-

дельцем сети станций автосервиса с лаконичным названием, состоявшим всего из двух цифр — 47. Пару дней назад Варакса умотал за корюшкой на Ладогу. А в головной мастерской сети «47» чинили машину Одинцова, поймавшую колесом открытый люк на заснеженной улице.

То ли укор подействовал, то ли хитрый Варакса всё же получал уведомления о вызовах, но вскоре со станции Одинцову позвонили с радостной вестью: машина готова, можно забирать.

Ползти вечером через пробки совсем не хотелось, и Одинцов решил поехать в мастерскую прямо сейчас. Начальник он, в конце концов, или не начальник?! Основные дела сделаны, служба работает... Одинцов отдал кое-какие распоряжения, вернул костюм на вешалку, снова натянул джинсы, сунул ноги в высокие ботинки на толстой рубчатой подошве — и поспешил убыть.

С неопрятного белёсого неба сыпал обычный для Петербурга мартовский коктейль: то ли снег с дождём, то ли дождь со снегом. Одинцову пришлось вытаскивать из багажника щётку и почистить машину: на время ремонта он позаимствовал внедорожник «вольво» у сердобольного Вараксы. Тот утюжил сейчас обледенелые ладожские берега на могучем «лендровере», над которым хорошенько поколдовали в мастерской «47».

Одинцов заканчивал махать щёткой, когда увидел Мунина. Нескладный сутулый парень медленно брёл от замка в его сторону. Он прижимал к животу матерчатую сумку, висевшую через плечо на длинном ремне, внимательно глядел под ноги — и всё же оскальзывался.

— Привет, наука! — крикнул Одинцов.

Мунин озябшими пальцами приподнял край капюшона. Мокрый снег тут же залепил стёкла больших очков.

— Я здесь! — Одинцов помахал рукой, и Мунин его увидел. — Могу подбросить.

— Здравствуйте, — сказал Мунин, подходя к машине. — Мне бы до метро, если вас не затруднит.

— До метро само собой. А вообще куда надо?

Им оказалось по пути.

Молодой историк работал в научной части музея. Знакомство Мунина с Одинцовым было недавним и шапочным: они разок-другой пообедали за одним столиком в служебной столовой, перекинулись несколькими фразами и теперь здоровались при встрече. Но для замкнутого Мунина даже это выглядело достижением.

Одинцов ему нравился. Во-первых, потому, что не только задавал вопросы по делу, но и слушать умел. Во-вторых, потому, что не чувствовалось в его поведении вахтёрской снисходительности, обычной для охранников. В-третьих — чего греха таить? — тщедушный очкарик Мунин безнадежно мечтал быть таким же уверенным в себе, статным и плечистым; научиться носить костюм и не отводить взгляд в разговоре... Колоритный образ Одинцова довершали седой клок в аккуратной причёске и наполовину седая левая бровь.

В машине Мунин с удовольствием устроился на подогретой коже переднего сиденья. Одинцов вырулил на Фонтанку, и они поехали вдоль замка по набережной.

— Как дела на интеллектуальном фронте? — спросил Одинцов. — Затяжные бои с оппонентами? Окопная война?

— Хватит, насиделись мы в окопах, — в тон откликнулся Мунин и ладонью похлопал по сумке, лежащей на коленях. — Наметился прорыв.

Учёный, надо же... Одинцов прикинул: парнишка недавно окончил университет, в армии наверняка не служил — то есть ему от силы лет двадцать пять. В пятьдесят с копеечкой у Одинцова вполне бы мог

быть сын такого возраста. Только вряд ли близорукий — и уж точно спортсмен, а не рохля.

— Проры-ыв? — Одинцов приподнял полуседую бровь и кивнул на сумку. — Нарушение охраняемого периметра? Стащили какой-нибудь раритет?

— Что вы, что вы, — снова подыграл Мунин, — красть грешно! Тут всё своё, родное.

Он откинул клапан сумки и вынул толстую тяжёлую папку в красной обложке. Видно было, что ему не терпится похвастать.

— Это как у Пушкина: «Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний», — продекламировал историк и, глядя на папку с любовью, взвесил её в руках. — Я пока не могу рассказывать, не имею права. Хотя вы человек от науки далёкий, вам можно. Вы ведь никому?.. В общем, получается, что как минимум три русских царя занимались одним и тем же.

— По-моему, все цари занимались примерно одним и тем же, — предположил Одинцов, — разве нет?

Мунин досадливо поморщился.

— Я не то хотел сказать. Мне удалось обнаружить и документально подтвердить, что Иван Четвёртый, Пётр Первый и Павел действовали по единой схеме. Как будто решали одну и ту же задачу. Каждый в своё время и каждый в своих обстоятельствах, но всё-таки... Более того, не только задача была общая, но и способы решения. Ощущение такое, что они действовали по инструкции, где сказано: делай так, так и так. Понимаете?

— Нет, — легко признался Одинцов.

— Это неудивительно. Даже я сначала не понимал, — заявил Мунин.

Одинцов посмотрел на него с иронией из-за этого *даже*, но историк взгляда не заметил и продолжил:

— Вообще никто ничего не понимал и внимания не обращал! Вы правильно говорите, что все цари занимались примерно одним и тем же. И эти трое тоже,

но только до определённого момента. А потом вдруг начинали совершать похожие поступки. Парадоксальные и необъяснимые.

— Может, они для вас парадоксальные, — предположил Одинцов, — а для современников — ничего особенного.

— То-то и оно, что современники сомневались, в своём ли уме государь! — Мунин раздухарился и сел боком, повернувшись к Одинцову. — Иван, и Пётр, и Павел даже самых близких пугали. Сначала вроде вели себя привычно, а потом — щёлк! — и словно включалась какая-то другая программа, непонятная и потому особенно пугающая. Вот из-за чего этих троих боялись и ненавидели, как никого другого.

— Погодите. Иван Четвёртый — это ведь Иван Грозный?

Мунин кивнул.

— Ну, тогда вопросов нет, почему боялись и ненавидели. Он же редкий кровосос. Родного сына убил? Убил. И людей казнил без разбора направо и налево...

— Не был Иван кровососом! — возмутился Мунин. — И сына не убивал, и казнил только тех, с кем иначе нельзя было. Вы повторяете сплетни, которым четыреста лет с хвостиком! Их ещё при жизни Ивана Васильевича сочинять начали. И в учебниках до сих пор врут, и никто правды не знает!

— А вы, получается, знаете? — Одинцов снова лукаво глянул на Мунина.

— Знаю.

Свернув за разговором у заснеженного Летнего сада, они переехали мост через Фонтанку, поблёскивающий золотом перил; миновали терракотовую с белыми прожилками глыбу Пантелеймоновской церкви — памятника первой морской победе Петра Первого, — и покатали к Литейному проспекту.

Мунин уже успокоился.

— Видите ли, — сказал он, — есть как бы две правды. Это нормально в любой науке, а в истории

особенно. Есть правда для обывателей. Для вас, извините, и для них.

Историк махнул рукой в сторону прохожих за окном машины, и Одинцов уточнил:

— Для массы? Для народа?

— Для народа. А я имею в виду правду для специалистов, которые знают предмет более глубоко и разносторонне. То, что вам известно про Ивана Грозного, — это примитивная схема, которая грубо слеплена, проста для запоминания и удобна в использовании. Но мы, историки...

— Вы только сейчас говорили, что кроме вас никто не знает правды. Теперь оказывается, что её знают все историки. Противоречие, однако!

— Нет никакого противоречия. Любой мой коллега, если он действительно профессионал и притом не ангажированный, с документами в руках за пять минут объяснит вам, почему Иван Грозный — не кровосос. В отличие от обывателей, которые получают сразу готовую схему, нам полагается собрать факты, потом проверить их на достоверность и только тогда уже складывать один к другому. Проблема в том, что учёный обычно стремится подтвердить или опровергнуть какую-то гипотезу — свою собственную или своих предшественников. Поэтому интерпретирует события с заданным результатом, и картина получается необъективной.

Одинцов с интересом взглянул на Мунина:

— Чем же вы, в таком случае, отличаетесь от остальных?

— Тем, что я поставил принципиально другую задачу, — с гордостью сообщил историк и поправил на носу съехавшие очки. — Я не пытался ничего доказать или опровергнуть. Мне было не важно, Иван Грозный — это исчадие ада или святой. Точно так же Пётр Первый мог быть агентом Европы или патриотом России, а Павел — безумным солдафоном или титаном духа, который опередил своё время. Я знал

о них то же, что и другие. Просто обратил внимание, что действия Ивана Васильевича, Петра Алексеевича и Павла Петровича очень отличаются от действий остальных государей, зато очень схожи между собой.

Мунин погладил папку.

— Поступки каждого человека, — сказал он, — это его личное дело. Мало ли что кому взбредёт в голову? Но когда странные и притом одинаковые поступки совершают руководители страны, живущие в разные времена, да ещё совершают не вынужденно, а преднамеренно — тут уж извините. Это не может быть случайностью. Очевидно, есть какая-то закономерность, есть система!

— И эту систему вы... — начал Одинцов, а Мунин подхватил:

— ...и эту систему я попытался описать. Просто сложить и сопоставить исторические факты, ничего не доказывая и не опровергая.

Машина пересекла Литейный проспект, обогнула по дуге акварельный кулич Спасо-Преображенского собора вдоль ограды, набранной из трофейных пушечных стволов, и скоро вывернула на Кирочную улицу.

— Спасибо. Где-нибудь здесь остановите, пожалуйста, — попросил Мунин.

Вдоль поребрика всё было занято, но чуть впереди мигала левым поворотником припаркованная машина. Одинцов притормозил за ней; включил аварийку, перекрыв полосу и давая водителю выехать, а потом ловко нырнул на освободившееся место.

— Это что значит? — спросил он, глянув на обложку папки, поверх которой красовалась большая жёлтая этикетка с надписью: *Urbi et Orbi*.

Мунин смутился и принялся запихивать папку в сумку.

— Урби эт óрби? Да так...

— Ну а всё же? — не отставал Одинцов.

— Это значит «Городу и миру» на латыни. Овидий... поэт был такой древнеримский... Овидий писал, что другим народам на земле даны границы, а у римлян протяжённость города и мира совпадают. В общем, обращение такое — ко всем и каждому. Урби эт орби.

Мунин справился с папкой; попрощался, вылез из машины, накинул капюшон и побрёл в сторону пешеходного перехода.

Одинцов посмотрел историку вслед. Из рассказа Мунина он толком не понял — что за открытие тот сделал и в чём состоит прорыв. Давно умершие цари, повторяющие нелогичные поступки друг друга... Кому какое теперь до них дело?

С другой стороны — хорошо, что парнишке это интересно. Глаза вон как горят! Непросто набить битком такую толстенную папку — видать, и вправду серьёзный труд. Зато теперь обращается ко всему прогрессивному человечеству, ко всей вселенной. *Urbi et Orbi*, на мелочи не разменивается. И правильно — в его-то возрасте... Эх, молодость!

Одинцов набрал на мобильном номер Вараксы и сунул руку в карман за сигаретами. Дозвониться опять не удалось, и курева при себе не оказалось: наверное, оставил пачку в пиджаке, когда наскоро переодевался перед уходом с работы.

— Непорядок, — пожурил себя Одинцов, заглушил двигатель и вылез из машины. Места знакомые, центр Петербурга; и как раз неподалёку, помнится, был хороший табачный магазин.

Одинцов перешёл через улицу. Впереди возле арки он увидел Мунина, который говорил по мобильному, и уже приготовился пошутить — мол, мы стали чаще встречаться, и это радует. Но тут рядом с историком появились два крепких молодца в серых куртках, взяли его под локотки и буквально внесли в подворотню.

— Интересно девки пляшут, — Одинцов нахмурился, — по четыре штуки в ряд...

Он свернул следом. В тесном дворике-колодце один из мужчин тянул сумку с плеча Мунина. Историк цеплялся за ремень и выкрикивал срывающимся голосом:

— Что вам надо? Что вам надо?

Одинцов неторопливо шёл к ним.

— Ребята, какие-то проблемы? — спросил он.

— Никаких проблем, — ответил второй крепыш. — Проходите, проходите, всё в порядке.

— По-моему, как раз не всё в порядке, — возразил Одинцов. — Сумочка-то, я смотрю, чужая. А чужое брать нехорошо. Зря вы это затеяли. Ей-богу, зря. Давайте, может быть, как-то по-хорошему...

— Шёл бы ты, мужик, — снова сказал второй, отпустил Мунина и шагнул навстречу.

Эти двое не были уличной шпаной. «Но и не полиция», — подумал Одинцов: удостоверений не предъявили, хотя действовали очень слаженно. То, как двигался разговорчивый крепыш, тоже выдавало профессионала...

...и всё же Одинцов сумел усыпить его бдительность — простецкой болтовнёй, расслабленной походкой и, конечно, руками в карманах. Руки в карманах обычно успокаивают лучше всего. Просто надо уметь их мгновенно вынуть.

Одинцов умел.

Удар открытой ладонью в уличном бою эффективнее, чем кулаком: зона поражения больше, не промахнёшься. Молниеносная оплеуха, особенно тяжкая на противоходке, стала для крепыша полной неожиданностью. Имея дело с обычными хулиганами, Одинцов удовлетворился бы шоком от оплеухи. Но здесь рисковать не стал и несколькими мощными ударами вырубил нападавшего.

Нокаут оказался настолько быстрым и сокрушительным, что мужчина, который отнимал сумку, тоже